

0-796266

На правах рукописи

Рамазанова Гюльnaz Гилемдаровна

**ЖУРНАЛ «МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ»: ЭСТЕТИЧЕСКАЯ
ПОЗИЦИЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2012

Диссертация выполнена на кафедре русской классической литературы
Московского государственного областного университета

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Аношкина Вера Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Местергази Елена Георгиевна
доктор филологических наук
Стрельцов Владимир Иванович
доктор филологических наук
Федосеева Татьяна Васильевна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Хабаровский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 24 мая 2012 года в 15-00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.155.01 в Московском государственном
областном университете по адресу: 105005, г. Москва, ул. Энгельса, д. 21-а

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского
государственного областного университета по адресу: 105005, г. Москва, ул.
Радио, д. 10-а

Автореферат разослан «21» апреля 2012 год

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000791146

Ученый секретарь
диссертационного совета, доцент,
кандидат филологических наук

Т.А.Алпатовва

Актуальность темы исследования. «Московский наблюдатель» — значительное периодическое издание второй половины тридцатых годов, журнал, имевший свое оригинальное лицо. В нем публиковались А.С. Пушкин, Е.А. Боратынский, В.И. Даль, А.С. Хомяков, Н.М. Языков, В.Ф. Одоевский, Н.Ф. Павлов и многие другие писатели и поэты, создавшие неповторимый облик отечественной словесности. С журналом вели оживленную полемику наиболее авторитетные издания того времени, что свидетельствует о том, что он занимал свою культурную нишу в журналистике. Однако долгие десятилетия журнал был вне сферы интересов исследователей.

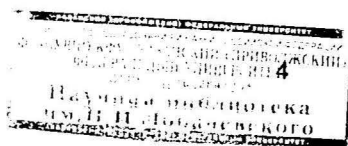
В истории журнала «Московский наблюдатель» выделяют два периода: первый (с 1835 по 1838 год), связанный с именем официального редактора В.П. Андросова и ведущего критика издания С.П. Шевырева, и второй (с 1838 по 1839 год), когда он выпускался под неофициальным редактированием В.Г. Белинского. Первый период традиционно рассматривался как крайне неудачный, явно недооценивался, второй считался успешным, именно поэтому изучался «Московский наблюдатель» по преимуществу второго периода. Достаточно сказать, что в отечественном литературоведении нет ни одной монографии, где рассматривалась история «Московского наблюдателя» всего периода его существования. В отечественном литературоведении утвердилось предвзятое и несправедливое отношение к журналу первого периода, которое нуждается в пересмотре.

Решение задач, поставленных в диссертационном исследовании, будет способствовать ревизии оценок «Московского наблюдателя» первого периода, журнала в целом, корректировке сложившегося представления о роли С.П. Шевырева и В.Г. Белинского в формировании идейного и эстетического облика издания.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественном литературоведении доказывается, что религиозно-философский, нравственно-этический, эстетический облик журнала был сформирован уже в первых выпусках «Московского наблюдателя», а его направление четко сформулировано на этапе вынашивания замысла. Впервые в отечественной науке два этапа жизни журнала не сравниваются

и не противопоставляются, поскольку выявлено типологическое единство концепции журнала на протяжении всего периода существования издания. В.Г. Белинский, возглавивший «Московский наблюдатель», проявил тождественность многих своих нравственных и эстетических воззрений взглядам первой редакции журнала, что предопределило преемственность подходов в формировании концепции издания. Между выпусками журнала обоих периодов прослеживаются глубокие внутренние связи, идейные и эстетические переклички. Одна из задач исследования, с одной стороны – доказать народолюбивые настроения С.П. Шевырева (а не аристократическую апологию, в которой его упрекал В.Г. Белинский), с другой – мироприемлющие убеждения Белинского (времени его «примирения с действительностью»). В научный оборот включаются тексты В.И. Даля, Ф.Н. Глинки, Н.Ф. Павлова, которые впоследствии не переиздавались и вследствие этого остались вне сферы внимания исследователей. Научная новизна работы связана с рассмотрением широкого контекста полемических баталий того времени, с анализом духовных доминант русской жизни 1830-х годов.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в разработку теории самобытной отечественной философии – русского любомудрия. Анализ всего массива публикаций за весь период существования журнала убеждает в том, что периодическое издание имело отчетливую философско-религиозную направленность. Выводы, полученные в результате анализа художественного и публицистического материала журнала «Московский наблюдатель», помогут внести вклад в изучение философских, идеологических, эстетических и литературно-критических позиций как редакторов журнала, так и авторов, привлекавшихся к сотрудничеству с изданием. Предлагаемое исследование может способствовать более глубокому пониманию духовно-этических истоков славянофильства. Системный анализ всех публикаций «Московского наблюдателя» позволит понять и объективно оценить идеологическое и культурное значение издания, определить его «нишу» в русском литературном процессе и культуре, осмыслить эстетические и теоретико-литературные предпочтения того времени.

Методологической и теоретико-литературной основой диссертации является системное единство литературоведческих подходов к исследованию периодического издания, которое является отражением живого, динамичного историко-литературного процесса, в контексте которого рассматриваются отдельные более или менее значительные явления художественной литературы. Основой методологии анализа стали фундаментальные исследования В.Н. Аношкиной, Т.К. Батуровой, Б.Ф. Егорова, Б.И. Есина, Г.В. Зыковой, В.И. Кулешова, Л.М. Крупчанова, Ю.В. Манна, Е.А. Маймина, Н.И. Мордовченко, В.А. Недзвецкого, В.С. Нечасовой, А.М. Пескова, В.Д. Сквозникова, В.В. Прозорова, И.П. Щерблыкина, Б.Т. Удодова о литературном процессе и русской литературной критике 1830-х годов. В диссертации реализуется историко-литературный подход, методы культурно-исторического, системно-типологического, структурно-семантического, интертекстуального анализа. Методологической основой работы также является антропологический метод, подразумевающий изучение биографии деятеля литературы, его эпистолярного наследия, дневников в контексте историко-культурной ситуации. В создании литературоведческих интерпретаций малоизученных художественных текстов использованы принципы и приемы комплексного анализа.

Практическая ценность работы выражается в возможности ее использования при изучении русской классической словесности, разработке общих и специальных вузовских курсов по истории литературы девятнадцатого века и внесения принципиальных дополнений в курс истории русской литературной критики.

Объект исследования – философские, эстетические, критические взгляды редакторов и ведущих сотрудников-соучредителей журнала; произведения как классиков отечественной литературы, так и наиболее значительные в эстетическом отношении произведения поэтов и писателей «второго ряда»; критические статьи, обзоры С.П. Шевырева, В.П. Андросова, а также библиографические обзоры В.Г. Белинского, среди которых малоизвестные рецензии, включенные не во все позднейшие собрания сочинений критика; проза и публицистика Н.Ф. Павлова, М.Н. Макарова, В.Ф. Одоевского, никогда не переиздававшиеся

впоследствии произведения В.И. Даля, Ф.Н. Глинки, а также представляющие несомненный интерес произведения анонимных авторов.

Апробация результатов. Апробация работы состоялась во время обсуждения авторских публикаций и их основных положений на заседаниях и научно-методологических семинарах кафедры русской литературы БГПУ им. М. Акмуллы.

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры русской классической литературы МГОУ. Основные положения диссертации были изложены в форме докладов на следующих международных, всероссийских, региональных научных и научно-практических конференциях: VIII международной конференции «Русское литературоведение на современном этапе» в Москве (доклад «В.Г. Белинский – редактор «Московского наблюдателя»); II международной научной конференции «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (30–31 октября 2009) в Чите; XI региональной научной конференции «Аксаковские чтения» (2 октября 2009), республиканской научно-практической конференции «Система непрерывного образования» (15 февраля 2009), всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию д. филол. наук, проф. Р.К. Амирова, – «История, современное состояние и перспективы развития теории и практики преподавания литературы и языка» (9–10 ноября 2011 г.) в Уфе.

Цель диссертации – фундаментальное исследование журнала «Московский наблюдатель», связанное с осмыслением его места и роли в русской литературе 30-х годов девятнадцатого века, выявлением его духовно-философских и социально-эстетических позиций, определяемых деятельностью редакторов – идеологов издания.

Основная цель настоящего исследования предполагает постановку и решение *главных задач* диссертации:

1. Выявить направление журнала, его главные векторы, показать их взаимодействие с религиозно-философскими, этическими и эстетическими воззрениями той поры, в рамках которой существовал «Московский наблюдатель».

2. Доказать наличие славянофильского направления журнала, ставшего подготовительным этапом в разработке идеологической концепции журнала «Москвитянин».

3. Доказать несостоятельность и поверхностность утвердившегося представления об ориентации журнала исключительно на «светскую», аристократическую аудиторию.

4. Актуализировать оценки журнала Пушкиным и Гоголем, проанализировать отношение к корифеям русской словесности со стороны обеих редакций «Московского наблюдателя».

5. Рассмотреть прозу и литературную критику, опубликованные в журнале, выявив основные духовные, эстетические, жанровые тенденции развития отечественной словесности.

6. Определить характер и жанровое своеобразие лирики, публиковавшейся в журнале первого и второго периодов.

7. Рассмотреть философские, религиозные воззрения Белинского периода «примирения с действительностью», доказать, что редакционная политика журнала во многом предопределялась этими взглядами.

8. Проанализировать библиографические обзоры, отражающие взгляды критика периода «примирения с действительностью», в их нерасторжимом единстве.

9. Показать неизменность идейной и нравственной «платформы», единство направления журнала в течение всего периода его существования. Доказать близость идейных и эстетических взглядов первого состава редакции и воззрений Белинского.

10. Раскрыть характер полемики журнала с идейными оппонентами из других периодических изданий.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Московский наблюдатель» – журнал, направление которого было определено еще на этапе его замысла, оно просматривается с первых его выпусков.

2. Журнал стал органом «раннего славянофильства», если рассматривать последнее как этическое учение, базировавшееся на религиозно – нравственных основах мировосприятия русского человека.

3. Магистральное направление предопределяло локальную задачу – борьбу «с торговым направлением», ему редакция журнала

противопоставляла духовную, нравственную литературу, по-настоящему взыскательную, научно обоснованную критику.

4. Духовная литература, а под ней можно понимать и литературу, воспитывающую в читателе уважение к православной вере, христианской религии, была широко представлена в журнале как произведениями писателей, ставшими классиками русской литературы, так и авторов «второго ряда».

5. Несостоятельна попытка разделить соучредителей и авторов журнала на два противоборствующих идеологических лагеря, не следует усматривать в их произведениях отражение идейных разногласий. Утверждение, что В.П. Андросов и С.П. Шевырев негласно возглавляли враждующие между собой «правую» и «левую» группировки в журнале, безосновательно, также неправомерно отнесение к «левой» группировке Н.Ф. Павлова и В.Ф. Одоевского.

6. Редакция журнала «Московский наблюдатель» неизменно демонстрировала глубоко уважительное отношение к А.С. Пушкину. Аллюзии, связанные с его произведениями, появлялись в стихотворениях, в прозе, в критических статьях, публиковавшихся в журнале, что свидетельствует о признании его выдающейся роли и значения в отечественной словесности.

7. Произведения поэтов «пушкинской плеяды», авторов «второго ряда», женская лирика, публиковавшиеся в «Московском наблюдателе», поддерживали его нравственно-этическую концепцию. В журнале была широко представлена духовная лирика (элегии, поэтические молитвы), отвечающие канонам «поэзии мысли», русского любомудрия, значительное место отводилось поэтическим манифестам раннего славянофильства.

8. Хронологически деятельность В.Г. Белинского в журнале пришлась на то время, когда он утвердился в христианской вере, в статьях этого периода его философские и религиозные взгляды тесно переплетались. Утверждение в душах людей идей православия стали сутью библиографических обзоров, рецензий В.Г. Белинского этого периода.

9. Утверждение, что журнал В.Г. Белинского обновленной идеологической концепцией в корне отличался от журнала Шевырева,

несостоятельно. Белинский продолжил разработку идей, заложенных в издание первой его редакцией.

10. Одной из задач первая редакция «Московского наблюдателя» считала борьбу с петербургской журналистикой, привлекавшей читателя низкопробной литературной и журнальной продукцией. В.Г. Белинский продолжил борьбу журнала с оппонентами С.П. Шевырева и В.П. Андросова, что свидетельствует о близости позиций в понимании задач критики в процессе нравственного воспитания читателя.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** представлена история изучения вопроса, которая позволяет обосновать выбор темы диссертации. Определены актуальность проблематики, цели и задачи исследования, теоретико-методологические принципы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Эстетическая позиция и литературные публикации журнала «Московский наблюдатель» в период с 1835 по 1837 год»** рассматривается первый период существования журнала с момента его замысла. Рассмотрен и проанализирован широкий спектр оценок современников.

В первом параграфе **«С.П. Шевырев – идеолог и ведущий критик журнала»** предметом анализа становится его отношение к славянофильству. В тридцатые годы идеология Шевырева – славянофила только начинает складываться, и в период работы в журнале «Московский наблюдатель» он не облекает свои воззрения в какие-либо отточенные формулы. Общеизвестно, что С.П. Шевырев был близок, дружен со многими деятелями славянофильского течения – И.В. Киреевским, семьей Аксаковых, А.С. Хомяковым, разделял идеи, ставшие этическим базисом учения славянофилов. Как и все славянофилы, Шевырев ратовал за национальную идею, утверждал уникальность, богоизбранность русского народа, о чем неоспоримо свидетельствуют его научные, критические и публицистические работы. Шевырев считал, что единственно возможный путь, который необходимо избрать для улучшения жизни в России, – нравственное совершенствование русского человека, настойчивое обращение его к высокому духу православной веры. О «загнивании

Запада» (это словосочетание, ставшее позднее журналистским клише, было придумано именно Шевыревым) критик писал на протяжении всей своей публицистической деятельности. Интерес «Московского наблюдателя» к этой проблеме начинает просматриваться уже в первой статье С.П. Шевырева «Словесность и торговля», открывавшей дебютный выпуск журнала. Критик акцентировал внимание на особенностях русского менталитета, национального характера, видя их основу в истинном христианстве – православии.

Отдельно рассматривается вопрос о потенциальных «адресатах» публикаций «Московского наблюдателя», о том, что журнал якобы апеллировал исключительно к аристократической аудитории. Наряду со «светскими повестями» в журнале были опубликованы и многочисленные материалы о русской национальной жизни М.Н. Макарова (1789–1847), «духовные» очерки Ф.Н. Глинки (1786–1880), призывающие к милосердию. Представляет особый интерес маленький очерк, принадлежащий перу С.П. Шевырева, «Училище глухонемых в Москве», свидетельствующий о его милосердном отношении к несчастным людям. Ранее не опубликованные воспоминания дочери – Е.С. Шевыревой об отце¹, написанные в период с 1864 по 1881 год, добавляют новые штрихи к портрету писателя, особый интерес представляют страницы мемуаров, в которых говорится об отношении Шевырева к крестьянам.

Шевырев анализировал наиболее заметные новинки отечественной литературы, отдельные его статьи посвящены оценке поэзии В.Г. Бснедиктова, циклу Н.В. Гоголя «Миргород», появлению «Трех повестей» Н.Ф. Павлова. В рецензиях Шевырева много интересных наблюдений, свидетельствующих о его филологическом чутье, незаурядной наблюдательности и образованности. Эстетические взгляды Шевырева были оригинальны, иногда парадоксальны, многие положения его рецензий, аналитических библиографических обзоров стали предметом оживленной полемики.

Во втором параграфе «Духовная литература в журнале, ее жанровое и стилевое многообразие» рассматривается литература, воспитывающая в читателе уважение к православной вере, христианским

¹ Шевырева Е.С. Биография С.П. Шевырева [1864 – 1881] //РГАЛН.Ф. № 563. Оп. 1. № 68.

святыням. Она была представлена в журнале значительными публикациями Ф.Н. Глинки и М.Н. Макарова. В журнале была опубликована своеобразная трилогия Глинки – очерки «Федот Исаев, или Бедное семейство в клетке», «К благотворителям и благотворительницам бедного Федота Исаева и семейства его, *жившаго в клетке*», «К благотворителям семейства Р.к.т.с.хъ. Читателям и читательницам Московского наблюдателя». Впоследствии эти произведения не переиздавались. Ф.Н. Глинка использует прием контраста, создавая объемную, многомерную картину бытия, в которой параллельно существуют роскошь и нищета. Его произведения взывали к милосердию и состраданию. В третьем очерке Глинка создает сюжетную ситуацию, которая несет сакральный смысл: автор актуализирует в сознании читателя одно из деяний Николая Святителя. Характер очерков, опубликованных в «светском» журнале, неоспоримо свидетельствует о том, что для редакции «Московского наблюдателя» было необыкновенно важно воспитывать добрые чувства и призывать «милость к падшим», в этом проявлялась высокая нравственная культура журнала.

В «Московском наблюдателе» время от времени появлялись небольшие заметки об истории столицы, о православных святынях Москвы и пригородов столицы. Славянофилами Москва воспринималась и позиционировалась как оплот истинного православия, патриархальной русской культуры, очаг исконной духовности. Статьи и заметки М.Н. Макарова «Древняя и старинная Москва», «Достопамятности московские», «О посохе Александра Пересвета», «Русские предания», «Материал для истории памятника, предложенного соорудить на поле Куликовом. (Письмо И.П. Мартоса к генерал-адъютанту А.Д. Балашову)», «Жизнь и приключения русских журналов», «Заметки о Москве» целиком вписывались в славянофильскую концепцию журнала. Некоторые материалы М.Н. Макарова носили информативный характер. В отличие от аналитических материалов ученых-историков статьи М.Н. Макарова, вероятно, не представляли сугубо научной ценности, не носили характера серьезных, оригинальных исторических изысканий. Привлекая к сотрудничеству этого автора, редакция преследовала определенную цель – возбудить в читателе интерес к отечественной культуре, к истории древней

столицы как средоточию духовной жизни России. Публикации М.Н. Макарова справлялись с этой задачей.

В третьем параграфе **«Проза и публицистика Н.Ф. Павлова на страницах «Московского наблюдателя»** говорится о сотрудничестве Н.Ф. Павлова с первой редакцией журнала. Писатель опубликовал в журнале несколько прозаических и поэтических произведений, в частности, повесть «Черный человек» (1835), которая никогда не входила в позднейшие сборники публикаций Павлова. Она подписана псевдонимом, что предопределило тот факт, что авторство Н.Ф. Павлова было установлено исследователем В.П. Вильчинским только в семидесятых годах двадцатого века. «Зловещее», написанное в лучших традициях романтической литературы повествование трансформируется в житейский анекдот. Мастерство писателя заключается в том, что в беглых, коротких характеристиках персонажей ему удастся ухватить и передать точные приметы психологического и социального облика своих героев. Представляется, что, создавая свою остроумную и ироничную «быль», Н.Ф. Павлов ориентировался на произведение другого одаренного автора – П.И. Сумарокова (1760–1846), опубликовавшего занимательный, насыщенный разнообразными фантастическими событиями, рассказ «Белый человек» в альманахе М.А. Максимовича «Денница» за 1831 год. В третьей и четвертых частях журнала за 1835 год были опубликованы рецензии Н.Ф. Павлова на оперу А.Н. Верстовского «Аскольдова могила» и комедию М.Н. Загоскина «Недовольные». Обе отличаются лирической одушевленностью, иронией, и представляют собой живое и непосредственное изложение эстетических и идейных взглядов автора.

В четвертом параграфе **«Сказки В.И. Даля в журнале»** предметом рассмотрения становятся сказки «Иван-лапотник», «Письма к свату о книжной и письменной управе благочиния». Очевидно, что сказка «Иван-лапотник» носит нравоучительный характер, автор хочет донести до читателя истину, что формальное соблюдение православных обрядов не является отражением подлинной веры. Сказка служит задаче воспитания читателя в духе истинного уважения к христианским заповедям. Сказка «Письма к свату о книжной и письменной управе благочиния» – уникальный пример завуалированной полемики с «Библиотекой для

чтения». Здесь автор скрывается за псевдонимом Казака Луганского. Эта сказка впоследствии не переиздавалась. Главный адресат, к которому апеллирует В.И. Даль, – О.И. Сенковский. Автор дает понять, что он отказывает в праве оценивать отечественную словесность человеку некомпетентному, лишенному всякого уважения к русской культуре, которую необыкновенно высоко ценил сам В.И. Даль. Он, несомненно, обогатил и украсил журнал, поддержал стремление издания дать нравственные уроки читателю, воспитывая его в духе истинного, а не показного православия.

Пятый параграф «Поэзия в «Московском наблюдателе» первого периода» посвящен анализу лирики, опубликованной в журнале, которая занимала в нем значительное место. Достаточно сказать, что в «Московском наблюдателе» первого периода напечатали свои произведения около тридцати авторов: А.С. Пушкин («Туча», «На выздоровление Лукулла»), Е.А. Боратынский («Последний поэт», «Недоносок», «Бокал»), И.И. Козлов («Венецианская ночь»), А.С. Хомяков («Элегия», «Мечта», «Ключ»), Н.М. Языков (послания «Денису Давыдову», «А.А.Фукс», «П.В.К.», «К...», «Е.А. Боратынскому», «Н.А. Языковой», «Сказка о пастухе и диком вепре», отрывок из сказки «Жар-птица»). Также в журнале печаталось много стихотворений поэтов «второго ряда», среди них можно выделить как наиболее активных следующих: А.А. Башилова, С. Гранкина, Д.П. Ознобишина, графиню Е.П. Ростопчину, С. Стромилова, Н.С. Теплову, Л.А. Якубовича.

Отношение Пушкина к «Московскому наблюдателю» неразрывно связано с историей творческих и личных взаимоотношений Пушкина и Шевырева, которые достаточно освещены в научной литературе. Пушкин неизменно хорошо относился к нему и всегда отзывался о Шевыреве с уважением, последний отвечал тем же. Пушкин отдавал должное эрудиции, глубокой филологической культуре ученого, критика. Оба восторженно приняли книгу известного итальянского карбонария Сильвио Пеллико «О должностях человека», в оценке этого произведения взгляды Шевырева и Пушкина сближаются до полного совпадения, свои размышления о книге Пеллико Пушкин заключает цитатой из статьи Шевырева. Присутствие личности Пушкина на страницах журнала не

исчерпывалось его публикациями или упоминанием его имени в полемических статьях. Аллюзии, связанные с его произведениями, то и дело возникали в стихотворениях, в прозе, публиковавшихся в журнале, поскольку образы, порожденные гением Пушкина, уже к тому времени стали неотъемлемой частью национального менталитета. Об этом свидетельствует стихотворение И. Борозды «Письмо девятое. Бахчисарайский дворец. – Отъезд из Бахчисарая», напечатанное в журнале.

В первой части журнала была опубликована элегия Е.А. Боратынского «Последний поэт», в которой высказана мысль о том, что расчет, рассудочность – превалирующие черты надвигающегося «железного» века. Это стало одним из аргументов в борьбе журнала с «торговым направлением». Стихотворения А.С. Хомякова «Элегия» и «Мечта» также поддерживали идеологическую концепцию журнала. Достаточно много стихотворений (всего восемь) напечатал в журнале и Н.М. Языков, который был связан с кружком Шевырева приятельскими отношениями, на страницах «Московского наблюдателя», были представлены разнообразные жанровые и стилевые формы его творчества.

Определяя литературную политику журнала, Шевырев, безусловное предпочтение отдавал медитативной, философской лирике. В «Московском наблюдателе» был широко представлен жанр поэтической молитвы. Среди произведений поэтов «второго ряда», опубликованных в «Московском наблюдателе», представляют особый интерес стихотворения А.А. Башилова, совершенно забытого автора 1820 – 1830-х годов. Глубокие по содержанию стихотворения А.А. Башилова в русле общей концепции журнала разрабатывали идею непримиримого отношения к «торговому направлению» в русской литературе, утверждая высокую нравственность и духовность.

В журнале было опубликовано множество стихотворений поэтов: четыре произведения Е.П. Ростопчиной, в частности, элегии «Осенние листья», «Последний цвет». В дебютном выпуске журнала была напечатана элегия Е.П. Ростопчиной «Осенние листья». В романтической элегии, как правило, мысль развивалась согласно определенной логике. Отличительной особенностью стихотворения Ростопчиной становится то, что она привносит в него элемент фантазии: лирическая героиня мысленно «следует» за полетом

сорванного листка. Поэтесса предполагает, что листья могут покрыть чью-то заброшенную могилу, или, отнесенные ветром на речную волну, станут свидетелями последних мгновений жизни несчастной жертвы судьбы. В стихотворении отчетливо звучит романтическая тоска о других краях, недостижимых, «желанных странах», о тщетности попыток вырваться из круга предопределенности. В русле романтических традиций написано стихотворение Ростопчиной «Кто поэт», представляющее размышление о природе и истоках поэтического вдохновения. Стихотворение «Сонет» также разрабатывает тему поэта и поэзии.

Другим активным автором «Московского наблюдателя» стала Н.С. Теплова, талантливая молодая поэтесса, которую опекал М.А. Максимович. В журнале были напечатаны ее стихотворения «Осень», «Придет весна – и сад мой зацветет...», «Флейта», «Родина», «Перерождение», «Воспоминание». Теплова вводила неожиданные нюансы в осмысление привычных поэтических мотивов. Каждое ее стихотворение пленяет искренностью интонации, какой-то девичьей нежностью, звучит непритязательным признанием любви к жизни.

Одно стихотворение – «Сыну и другу. Четыре ангела» опубликовала в журнале Зинаида Волконская. Это глубоко духовное стихотворение целиком вписывается в религиозную концепцию журнала, обращая внимание читателя к православным образам. Нежная, проникновенная лирика, в которой воссоздавался мир тонко и глубоко чувствующей женской души, безусловно, была украшением «Московского наблюдателя».

Поэзия, представленная в журнале, была разнообразной, но неравноценной в эстетическом отношении. При подборе лирики, конечно, по мере возможности редакторы стремились следовать логике идейной концепции своего издания. Стихотворения должны были соответствовать критериям «поэзии мысли», поднимать какие-либо важные, мировоззренческие, философские проблемы. Пристальное внимание к внутреннему миру человека, к его глубоким раздумьям привело к тому, что в журнале было много «духовной» поэзии, широко был представлен жанр молитвы. Вполне закономерно, что значительное место среди поэтических публикаций занимала элегия как аналитический и медитативный жанр.

Последовательное и внимательное знакомство со всеми выпусками журнала под редакцией В.П. Андросова – С.П. Шевырева убеждает, что упреки в том, что издание не имело никакого определенно выраженного направления, безосновательны. Такой взгляд на издание на долгие десятилетия был предопределен жесткими, не всегда справедливыми оценками Н.И. Надеждина и В.Г. Белинского. Больше всего они уличали журнал в аристократическом снобизме, ориентации якобы исключительно на светскую публику. Думается, это несправедливый упрек. Публикации журнала повествовали о жизни разных социальных слоев. Никакого «табу» на публикацию в журнале материалов, связанных с русской стариной, русской культурой, рассказывающих о жизни простого человека, не было. Более того, можно с уверенностью утверждать, что журнал под негласной редакцией Шевырева стал изданием отчетливо выраженной славянофильской ориентации, неким подготовительным этапом в подготовке журнала «Москвитянин».

Шевырев придавал огромное значение вопросам воспитания, особенно православного, считая, что роль матери в этом процессе переоценить просто невозможно. Нежную, одухотворенную, целомудренную женщину он считал главной носительницей высокой этической и эстетической культуры. Уважительное, даже почтительное отношение к женщине несколько однобоко истолковывалось Белинским лишь как светская галантность, в чем проявлялось предвзятое отношение критика.

Шевырев считал основной целью литературы и критики нравственное совершенствование, «вознесение к идеалу» и требовал от словесности этической рафинированности, духовной «прибранности». Он всячески препятствовал тому, чтобы «грязь» жизни, торгашеский дух, невежество, бескультурье, принимающее различные обличья, могли проникнуть в «его» журнал. Как редактор он ратовал за то, чтобы материалы, публикуемые в журнале, несли отчетливый отпечаток высокой духовной культуры. Возможно, редакции не всегда удавалось следовать своей генеральной линии и наполнять издание исключительно эстетически и идейно совершенными произведениями, но стремление редакторов журнала к этому не вызывает сомнений.

Во второй главе «Идейное и эстетическое направление издания в 1838 – 1839 гг.» рассматривается деятельность Белинского в качестве неофициального редактора журнала. Белинский, непримиримо критиковавший «Московский наблюдатель» все предыдущие годы, стремился к преобразованиям, хотел придать ему особенное направление. В период его редакторской деятельности радикально изменилась структура журнала, большую часть его стали занимать библиографические обзоры, носившие глубокий аналитический характер, которые по его замыслу должны были стать отражением идейной концепции издания. Все произведения, публикуемые в журнале, тщательно отбирались самим критиком.

Можно констатировать, что деятельность Белинского-редактора довольно хорошо освещена в исследовательской литературе. Вполне понятно, что исследователи творчества критика А.Н. Пыпин, С.А. Венгеров оценивали журнал положительно. Этому периоду деятельности критика посвящены четыре главы фундаментальной монографии В.С. Нечаевой². Монография В.С. Нечаевой отличается разносторонностью и емкостью информации, ее научное значение трудно переоценить, и все же фундаментальный труд, написанный в шестидесятые годы двадцатого века, несет на себе отчетливую печать своего времени: некоторые высказывания критика периода «примирения с действительностью» обходятся, даже замалчиваются.

Библиографические обзоры Белинского, опубликованные в «Московском наблюдателе», в их нерасторжимой целостности советским литературоведением не изучались, но некоторые из них стали предметом рассмотрения С.А. Венгерова.

Первая книжка журнала под редакцией Белинского открывалась программной публикацией – обширным предисловием М.А. Бакунина к переведенным им «Гимназическим речам» Гегеля, произнесенным в годы его директорства в Нюрнбергской гимназии (1808 – 1816). Белинский этой публикации придавал исключительное значение, поскольку в ней излагалось учение о «разумной действительности», увлекшее его в этот период. Идеология и психология «примирения» стали для Белинского

² Нечаева В.С. В.Г.Белинский. Жизнь и творчество 1836 – 1841 – М.: Изд-во АН СССР. 1961.

основополагающими и во многом корректировали как оценку художественных явлений современности, так и его бытовое поведение. Журнал стал зеркалом его воззрений той поры.

В первом параграфе второй главы **«Отражение философских и религиозных взглядов В.Г. Белинского в библиографических обзорах критика»** рассматривается мировоззрение В.Г. Белинского в этот период его жизни. Хронологически деятельность В.Г. Белинского в «Московском наблюдателе» в качестве редактора пришлась на тот момент его духовной биографии, когда он утвердился в вере. «Примирение» с действительностью нерасторжимо связано с верой, с убеждением в предопределенности и закономерности всего происходящего. В.Г. Белинский считал, что единственная, по-настоящему крепкая нравственная опора человека, позволяющая достойно пройти через все испытания, – это вера в Бога, в божественный Промысел. Исходя из этого, Белинский и его соратники видели свою задачу в том, чтобы обратить читателя к простым, но вечным евангельским истинам, что было характерно для «Московского наблюдателя» с самого начала его существования. Критик не принимал те произведения литературы, в которых он слышал бунт против существующей действительности, этим, в частности, объясняется его резкая критика романтического направления. Белинский периода «примирения с действительностью» старается видеть во всем, что его окружает, воплощение гармонии мира, созданного Богом. Он готов примириться со всеми противоречиями, диссонансами действительности, поскольку они не мешают ему восторженно, с глубокой любовью и признательностью воспринимать жизнь.

Показательна во многих отношениях рецензия на книгу «Письма о богослужении восточной католической церкви». В.Г. Белинский убежден, что подобная книга совершенно необходима читателю. Критик утверждает, что «предмет имеет всеобщую занимательность», «перо автора красноречиво и увлекательно», что и предопределило факт выхода второго издания книги. Все последующие высказывания В.Г. Белинского – проникновенный гимн вере. Критик приемлет каждое религиозное действие, оно вызывает отклик в его благодарной душе. Критик принимает все постулаты автора, выписывает большие фрагменты из книги, высказывая

свое полное согласие с ними. Говоря о богослужениях, совершаемых в дни великого поста, Белинский выражает свое отношение к духовной литературе в целом: «Духовная поэзия, так часто оглашающая слух наш, по странному противоречию, до сих пор остается у нас почти в совершенном забвении. Между тем, это неоспоримо предмет высокой важности и стоит не мимолежного только внимания...»³. Особого внимания заслуживает рецензия В.Г. Белинского на книгу, переведенную с немецкого, «Сердце человеческое есть или храм Божий или жилище сатаны». Статья свидетельствует о том, насколько близко и глубоко воспринято Белинским христианское учение, как тесно переплетаются в сознании критика религиозные и философские воззрения. Главная идея сводится к тому, что человек не может обрести счастья, если у него нет прочной нравственной опоры – веры. Дисгармоничность, жестокость жизни непреодолимы, но в силах человека взглянуть на них другими глазами – глазами, одухотворенными любовью: «Основание христианского учения есть любовь или то живое трепетное проникновение в вечные истины бытия, как явления духа Божия, которое наполняет душу человека неизреченным, бесконечным блаженством»⁴.

В его статье сложно взаимодействуют философские термины, восходящие к учению Гегеля, которыми постоянно оперирует Белинский – «конечный рассудок», «противоречие», «призрачные, ложные заключения», «примирение», – и лексика глубоко уверовавшего человека – «дух Божий», «бесконечное блаженство», «вечная жизнь». Учение Гегеля было воспринято В.Г. Белинским творчески, постулаты немецкого философа были им во многом переосмыслены. Это отмечает М.М. Григорьян: «Очень важно отметить, что Абсолютный дух Гегеля Белинский истолковывал по-своему. Дух для него – не только абсолютное и бесконечное рациональное начало. Дух есть одновременно, согласно ему, и абсолютная любовь, и абсолютное добро»⁵.

Во втором параграфе второй главы **«В.Г. Белинский – теоретик литературы. Творчество классиков русской словесности в осмыслении**

³ Московский наблюдатель. 1838. Ч. XVIII. С.311 – 312.

⁴ Московский наблюдатель. 1839. – Ч. II. – С.80

⁵ Григорьян М.М. В.Г. Белинский и проблема действительности в философии Гегеля//Гегель и философия в России в 30-е годы XIX – 20-е годы XX века. – М.: Наука, 1974. – С.70.

критика» предметом рассмотрения стали теоретические понятия, которые были выработаны В.Г. Белинским в этот период. Сотрудничая с «Московским наблюдателем», Белинский не пишет больших аналитических статей, в центре которых проблемы эстетики, теории, поэтики художественной литературы. Однако, анализируя новинки (да и не только новинки) русской и зарубежной словесности, он «вкрапляет» в статьи многие чрезвычайно глубокие наблюдения. Собранные воедино, они становятся фундаментом эстетики Белинского, формулируют базовые теоретические понятия литературы, которые впоследствии вошли в научный обиход.

Большинство статей критика построено по одной схеме: первая часть, ее можно назвать «теоретической», представляет собой размышления о том, каким идейным, эстетическим канонам должно соответствовать художественное произведение, в большинстве случаев в «теоретической» части Белинский разъясняет свои философские воззрения. Во второй части статьи критик, как правило, убедительно доказывает, что рассматриваемое произведение этим критериям не соответствует. В качестве эталона непревзойденного мастерства в большинстве случаев Белинский приводит творчество Гоголя и Пушкина. В большой рецензии на книгу «Стихотворения Владимира Бенедиктова» В.Г. Белинский размышляет о сущности красоты, нашедшей совершенное воплощение в искусстве древних греков. В.Г. Белинский, разделяя мнение С.П. Шевырева о том, что В.Г. Бенедиктов по преимуществу поэт мысли, даст диаметрально противоположную оценку его лирики. С.П. Шевырев считал, что несовершенство формы лирики Бенедиктова – ее главное достоинство, ибо форма «не отвлекает» от смысла стихотворения. В.Г. Белинский, напротив, утверждал, что поэт, не способный создать удачного синтеза формы и содержания, не поэт вовсе.

Анализ драмы «Уголино» Николая Полевого⁶ также становится поводом к изложению философской эстетики Белинского. По мнению критика, ценность произведения определяется его конкретностью. Он дает развернутое толкование термина «конкретность» применительно к

⁶ Белинский В.Г. Литературная хроника/Московский наблюдатель, 1838. – Ч. XVII. – С. 100 – 117.

литературе: «Конкретный происходит от латинского глагола *concreresco* – *срастаюсь*. <...> Конкретно то, в чем идея проникла в форму, а форма выразила идею, так что с уничтожением идеи уничтожается и форма, а с уничтожением формы уничтожается идея»⁷.

В одном из «лирических отступлений» статьи Белинский воспроизводит алгоритм творческого процесса, показывает «диалектику мышления». Анализируя повесть Грицка Основьяненко «Маруся», критик впервые формулирует понятие типического.

В.Г. Белинский пришел в редакцию «Московского наблюдателя» вскоре после трагической гибели Пушкина, в то время, когда уникальность этого феномена отечественной культуры наконец начала осознаваться современниками в полной мере. В одном из первых же своих библиографических разборов, помещенных в «Московском наблюдателе», Белинский обратился к анализу журнала «Современник», ставшем своеобразным духовным завещанием Пушкина. Среди публикаций «Современника» Белинский выделяет и неизменно хвалит все произведения В.А. Жуковского, а также отмечает материалы, касающиеся его личности. Духовно обновленный «неистовый Виссарион» не мог не чувствовать особой симпатии к В.А. Жуковскому – человеку глубоко верующему, доброму и кроткому. В свете нового мировосприятия В.Г. Белинский рассматривает все произведения этого «альманаха», приходит к выводу, что в конце своего жизненного пути А.С. Пушкин совершенно изменился, примирился с действительностью и обратился к вере. Вопрос этот сложный, не получивший до сих пор однозначного ответа. Представляется, что прав В.Д. Сквозников, который считал, что «обращение Пушкина к православной религии было *бесспорным*»⁸.

Белинский анализирует «мелкие» стихотворения Пушкина; показательно, что его внимание привлекают те же «пьесы», что и Шевырева, в частности, «Молитва». Парадокс ситуации заключается в том, что, не принимая Шевырева, Белинский в этот период своей духовной биографии в своих эстетических оценках очень сблизился с ним. Более того – они пропагандировали сходные идеи, отстаивали одни и те же

⁷ Белинский В.Г. Указ. соч. С.102

⁸ Сквозников В.Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. М.: «Наследие», 1999. С.195 – 196.

принципы, ратовали за одни ценности, и главной точкой их «соприкосновения» становится отношение к православию.

Редактируя журнал «Московский наблюдатель», Белинский всеми средствами пропагандировал Пушкина, убеждая своих потенциальных читателей в том, что его творческое наследие – огромный и уникальный вклад в сокровищницу национальной культуры. Всего в текст статей и рецензий «Московского наблюдателя» он ввел более двухсот стихов Пушкина. Белинский отмечает особое величие и мудрость последних произведений поэта. Все эстетические явления критик «поверял», соотносил с Пушкиным, оставившим непревзойденные образцы во всех жанрах литературы.

Создавая библиографические обзоры, Белинский коснулся многих аспектов развития литературы. Интересна статья, посвященная разбору сборников русских сказок, – в ней Белинский размышляет о фольклоре как универсальной форме отражения народного сознания, а также об авторских сказках. Сказки «талантливого балагура казака Луганского» Белинский считает удачными, но совершенный образец – сказки Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», «Утопленница».

Образец полноценного, многогранного характера Белинский видит только в прозе Гоголя, по его убеждению, колоссальный образ «гомеровского героя» Тараса – грандиозная творческая удача писателя. Белинский обращается к произведениям Гоголя, когда хочет наглядно показать, что такое художественный тип в произведении, каковы его особенности. Всем начинающим писателям Белинский настоятельно рекомендует учиться у Гоголя.

Эти высказывания свидетельствуют о том, что Гоголь в этот период был для Белинского совершенно «его» писателем, творчество которого он воспринимал целиком, без изъятия. Проза и драматургия Гоголя отвечали всем тем высоким философско-эстетическим требованиям, которые предъявлял к ним Белинский. Художественное совершенство произведений Гоголя критик возвел в абсолют, считая, что он во многом превосходит даже Пушкина.

В рецензии – обзоре содержания русских журналов 1839 года Белинский выделяет публикации поэзии и прозы мало кому известного

М.Ю. Лермонтова. Чтение емкой и глубокой прозы Лермонтова критик считает лучшим «противоядием» чтению повестей А.А. Марлинского. Особенно он отмсчает стихотворение «Дума», определяя его как «энергическое, могучее по форме, хотя и прекраснотушно несколько по содержанию». В «прекраснотушний» же обвиняется и стихотворение «Поэт». Достаточноту подробно останавливается на стихотворениях «Ветка Палестины» и «Не верь себе». Безусловным достоинством стихотворений критик считает синтез совершенной формы и глубокого смысла. Белинский сразу увидел и оценил истинный масштаб дарования талантливоту поэта и прозаика, отметил его первые шаги, пророчески предсказав Лермонтову великое будущее.

В третьем параграфе второй главы «Славянофильские» взгляды Белинского. Отзывы о зарубежной литературе» анализируется отношение критика к «национальному вопросу», к роли России в мировом пространстве. Рецензируя произведения, особенно переводные, критик, как правило, заострял внимание на особенностях мышления народа, нашедших отражение в литературе. В «Литературных мечтаниях» Белинский писал: «Каждый народ <...> играет в великом семействе человеческого рода свою особенную, назначенную ему провидением роль и вносит в общественную сокровищницу его успехов на поприще самосовершенствования свою долю, свой вклад»⁹. Можно констатировать некоторую общность взглядов Шевырева и Белинского. Она, как представляется, может быть объяснена тем, что в своих воззрениях оба опирались на учение Гердера, разделяя его убеждение в том, что каждый народ играет свою роль в общемировом развитии. Шевырев и Белинский отводили русской нации особую духовную миссию, считая, что жизнь народа определяет вложенная в него свыше «субстанция». Оба были убеждены, что основа ментальности русского человека – его православное мироощущение, способность и потребность поверять все свои поступки высокими нравственными критериями. В других нациях они пытались обнаружить как элементы духовного родства с русским народом, общность нравственно-этических идеалов, так и коренные различия. Поводом к размышлениям Белинского о национальных особенностях народов стал выход Полного собрания

⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. I. – С.28.

сочинений Д.И. Фонвизина и пятого издания сочинений М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1812 году». Белинский разделял глубокую убежденность в том, что русские – особый, Богом избранный народ, обладающий уникальной духовной организацией. В этот период Белинский предвзято оценивал французскую литературу, нивелировал достижения французов в области науки, философии, всеми силами стремился «оградить» от ее пагубного влияния отечественную культуру. Рассуждения Белинского об отсутствии духовных основ во французской литературе становятся своеобразным идейным базисом его рецензий об отдельных произведениях, в частности, романах Поля де Кока. Рецензируя произведения зарубежной литературы, Белинский подчеркивал глубокие различия в характере мышления представителей разных национальностей, при этом утверждал, что менталитет русских и немцев очень близок, считая основой этой близости глубокую духовность этих народов.

В четвертом параграфе второй главы **«В.Г. Белинский о прозе и поэзии писателей «второго ряда»** говорится об оценке критиком текущей литературной продукции. В своих библиографических обзорах Белинский рассматривал более или менее яркие новинки книжного рынка, что свидетельствует о колоссальной работоспособности критика. Главной задачей он считал воспитание истинно грамотного, думающего читателя, и всеми силами «прививал иммунитет» против дурного вкуса. Этим можно объяснить, что он анализировал произведения, которые мог бы попросту не заметить, в частности, роман неизвестного автора – «Сын актрисы», «Повести и рассказы» П. Смирновского и «Повести и рассказы» П. Каменского.

Творчество писателей «второго ряда» неизменно привлекало внимание критика. Художественная практика этих писателей представляет собой периферию литературного процесса, где те или иные образные решения, находки одаренных писателей тиражируются, варьируются, зачастую превращаясь в пародию. Белинский положительно оценивал самобытную прозу Владимира Владиславьева.

Размышления критика об особенностях поэзии, базовых критериях ее оценки, ее роли в отечественной словесности рассыпаны по библиографическим обзорам, выпускам «Литературной хроники».

Творчеству некоторых поэтов критик посвящал отдельные рецензии. В одном из обзоров содержания «Современника» В.Г. Белинский рецензирует статью «Праздник в честь Крылова», критик пророчески предсказал бессмертие великому баснописцу. В этом же выпуске «Хроники» обстоятельно и подробно Белинский высказывается по поводу поэмы Г. Бернета «Елена». Интересна во многих отношениях рецензия на два сборника стихотворений А.И. Полежаева – «Кальян» (1838) и «Арфа» (1838), которую можно рассматривать как развернутую оценку творчества поэта в целом. Белинский убежден, что А.И. Полежаев – одаренный поэт, но тот ракурс изображения жизни, который он избрал, абсолютно чужд критику. Он отмечает лишь отдельные творческие удачи поэта.

Предметом анализа пятого параграфа второй главы **«Белинский о современной детской литературе и проблемах православного воспитания»** стало отношение критика к проблемам, возникающим перед писателем, взявшим на себя роль нравственного наставника детей. Белинский пишет развернутую рецензию на несколько книг В. Бурьянова и А. Попова. Критик предъявляет особые требования к *душе* того, кто считает своим призванием воспитывать будущее страны. Детский писатель должен быть глубоко верующим человеком, вера сообщит «возвышенность» уму и придаст «просветленность» взгляду. Белинский убежден, что человек рождается с определенным набором «врожденных идей», которые являются «непосредственным созерцанием истины». Трудно не согласиться с вполне здравой идеей о том, что никаким воспитанием невозможно «исправить» врожденную природу человека. диаметрально изменить ребенка, но в силах наставника скорректировать те потенции, которые в нем изначально заложены. Представляют интерес размышления Белинского о сути наказания. Он убежден в том, что наказание должно быть основано не на страхе перед Богом, а на боязни *оскорбить и обидеть* всевидящего Отца детей.

Критик размышляет о внутренней жизни человека, считая, что главное в ней – это «чувство бесконечного». Надо полагать, что под «чувством бесконечного» Белинский имеет в виду осознание человеком того, что существующий мир являет собой нерасторжимое единство множества явлений; постичь, охватить умом это необъятное и

«бесконечное» ребенок не может, но прикоснуться к нему при помощи фантазии, которая раздвигает рамки привычного бытия, ему вполне по силам. Завершив вступление, Белинский приступает к анализу книг для детей. Критик считает, что современные повести для детей отличаются «дурно склеенным рассказом, пересыпанным нравственными сентенциями». «Цель таких повестей – обманывать детей, искажая действительность». Аргументы Белинского убеждают в его правоте. Главная ошибка воспитателей, по мнению критика, заключается в том, что они искажают картину реальной жизни, конструируя ее в соответствии с неким назидательным шаблоном, а дети чувствуют фальшь. Рано или поздно дети убеждаются, что реальность не «втискивается» в заданные наставником рамки, столкновение с грубыми уроками действительности порождает в детях разочарование и цинизм. Детская литература должна утверждать в душах детей христианские истины, воспитывать свободу от стереотипных представлений о счастье, воплощенных в материальных категориях богатства и преуспеяния. Интересна мысль Белинского о том, что ребенка нужно предостерегать от соблазна *даже мечтать* о том, что житейские трудности и невзгоды можно преодолеть с помощью каких-то сверхъестественных сил. После такого развернутого «вступления» критик приступает к анализу произведений. В. Бурьянова. Оценки Белинского негативны, столь же невысокую оценку получает «Детский альбом на 1838 год» А. Попова.

Редакторская деятельность Белинского длилась совсем недолго, но за этот короткий период он сформировал журнал, который стал трибуной его новых философских и эстетических воззрений. Направление журнала целиком и полностью определялось критиком, страницы издания наполнялись в основном обширными библиографическими обзорами Белинского, проза и поэзия подбиралась им же самим.

Тезис Гегеля, высказанный в предисловии к «Философии права», – «все действительное – разумно», в этот период стал основой мировоззрения Белинского и его идеологических единомышленников, в частности, М.А. Бакунина. В мировоззрении Белинского теперь философские взгляды тесно переплетаются с религиозными. Белинский выступает как убежденный апологет православия, он считает главным,

красутольным камнем к религии, и философии идею предопределенности эволюции как отдельного человека, так и социума в целом. Критик абсолютно убежден, что человеку не нужно противиться Благой Воле, а надо пытаться видеть буквально во всем проявления высшей целесообразности и разума. Белинский считал, что замысел Творца постигнуть простому смертному не дано, можно только немного приблизиться к его пониманию в минуту Божественного озарения. Литература рассматривалась как объективное «созерцание абсолютной жизни». Эти воззрения становятся основой резко негативного отношения к «тордцам», которые пытаются противопоставлять Божественной предопределенности свою индивидуальную волю. Критик борется с романтизмом, истоки которого видит во французской культуре, не приемля его за изображение аффектированных «нечеловеческих» страстей (по сути, за его атеистическое начало).

При всей искренности своего увлечения, абсолютной уверенности в истинности идей Гегеля Белинскому не удалось «заразить» своей убежденностью читателей журнала. Он, несомненно, чувствовал, что его новые философские воззрения не встречают понимания даже в его аудитории. Но некоторая неуверенность исчезала без следа, когда Белинский занимался своим настоящим делом – анализировал новинки литературы. Здесь он проявлял себя как блестящий критик, восторженный, остроумный, ироничный, язвительный, увлекающий своими идеями. Его рецензии неопровержимо свидетельствуют о том, что эстетический вкус ему никогда не изменял. В своих библиографических обзорах Белинский впервые формулирует многие базовые теоретические понятия литературы, которые впоследствии вошли в научный обиход. Приоритетной задачей критики в этот период Белинский считал всемерную пропаганду творчества Пушкина и Гоголя, предвосхищая всеобщее признание этих двух классиков отечественной словесности.

Третья глава «Пolemика журнала с периодическими изданиями «Телескоп», «Молва», «Библиотека для чтения» состоит из двух параграфов. В первом параграфе «Пolemика в журнале под редакцией В.П. Андросова и С.П. Шевырева» говорится о характере полемики в журнале первого периода. С самого начала существования «Московского

наблюдателя» полемика занимала в нем значительное место. Уже первое крупное его выступление – статья «Словесность и торговля»¹⁰, открывавшая дебютную книжку нового журнала, вызвала множество споров и была принята неоднозначно.

Необходимо заметить, что еще до выхода первой книжки «Московского наблюдателя», когда была только опубликована программа нового журнала, «Библиотека» бросила вызов появляющемуся на горизонте конкуренту. Эта публикация была провокационной, «Наблюдатель» вызов принял, основным оппонентом журнала на долгие годы стала «Библиотека для чтения». Достаточно сказать, что в период с 1835 по 1837 год публикации «Библиотеки для чтения» «эстетические взгляды» и литературные пристрастия ее редактора критиковались «Московским наблюдателем» в той или иной форме четырнадцать раз.

Но самым серьезным критиком издания стал Белинский, опубликовавший статью «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (1836)¹¹. Как и заявлено в заглавии, предметом рассмотрения стали все критические разборы журнала, а также «программные» статьи редактора. Становится понятно, что все «разборы» мнений Шевырева были изначально подчинены логике смоделированной в сознании Белинского концепции. Белинский уличал и самого Шевырева, и редактируемый им журнал в снобизме, «светскости», высокомерии. Он определял направление «Московского наблюдателя» таким образом: «Он хлопочет не о распространении современных понятий об изящном; теория изящного не входит в него, искусство у него в стороне; он старается о распространении светскости в литературе, о введении литературного приличия...»¹². Нельзя не увидеть тенденциозности вывода Белинского, который упрощает идеологическую и эстетическую концепцию журнала. Объективный взгляд на публикации «Московского наблюдателя» полностью опровергает это пристрастное толкование его направления.

В полемике с периодическими изданиями того времени принимал эпизодическое участие и В.П. Андросов, редактор «Московского

¹⁰ Шевырев С.П. Словесность и торговля //Московский наблюдатель. 1835. – Ч.1. – С.5 – 29.

¹¹ Белинский В.Г. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» //Телескоп. 1836. – XXXII. – №№ 5 – 8. – С. 120 – 154, 217 – 287.

¹² Белинский В.Г. Указ. соч. С.284.

наблюдателя». Статья «Критика. Критическое объяснение» принадлежит его перу¹³. Она во многом повторяет основные идеи статей Шевырева «Словесность и торговля», «О критике вообще и у нас в России», точнее, отстаивает главные положения этих работ.

Но особенно ожесточенную полемику, захватившую несколько изданий того времени, вызвал научный труд Шевырева «История поэзии», фрагмент которого был напечатан в «Московском наблюдателе». Самый серьезный и обстоятельный анализ его дал Н.И. Надеждин – редактор журнала «Телескоп». Сложный диалог велся на протяжении всего 1836 года на страницах обоих журналов, авторы написали по три статьи, в которых каждый отстаивал свои взгляды. Надеждин высказывает несколько серьезных претензий, одна из которых сводится к тому, что исследование Шевырева – «прекрасное *литературное* произведение, замечательный факт нашей *изящной*, но не *ученой* словесности»¹⁴. Вторая заключается в том, что способ отбора материала, выбранный Шевыревым, не представляется ему научным: поскольку автор не придерживался хронологической последовательности, игнорировал законы внутренней соотнесенности анализируемых произведений. Надеждин согласен с автором лишь в том, что поэзию можно рассматривать как некое художественное отражение истории народов, которые ее породили. Недостатком труда Шевырева он считает то, что, описывая поэзию двух первобытных народов Востока – индийцев и евреев, ученый не замечает их взаимовлияния. Не соглашаясь с попыткой самостоятельного осмысления и моделирования религиозной истории этих народов, предпринятой Шевыревым, Надеждин и предлагает свою версию, которая ему кажется более логичной и совершенной. Надеждин углубляется в историю развития религиозных форм народов, проявляя при этом завидную эрудицию. Здесь дискуссия, совершенно меняя свой предмет, уклоняется от проблем литературоведения, в дальнейшем эта тенденция будет усиливаться, а впоследствии станет основной. Дискуссия, несомненно, была

¹³ Андросов В.П. Критика. Критическое объяснение//Московский наблюдатель. 1835. Ч.V. С. 479 – 490.

¹⁴ Надеждин Н.И. История поэзии. Чтения адъюнкта Московского Университета Степана Шевырева. // «Телескоп», журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. 1836, №XXXL. С.666-667.

необыкновенно сложна для понимания широкого круга читателей даже «энциклопедического» журнала. Она представляла интерес для научной элиты, ученых-теологов, которые могли разобраться во всех ее тонкостях, оценить достоинства и недостатки аргументации оппонентов. Об этом, собственно, и говорит Надеждин, завершая затянувшийся спор.

Недоброжелательный настрой отличает анонимную полемическую реплику «Для господина Шевырева. Пояснения критических замечаний на его «Историю поэзии»¹⁵. Можно с уверенностью утверждать, что автором ее был О.И. Сенковский. Как обычно, он ерничает, никак «не может припомнить», как называются журналы, развернувшие дискуссию. Все названия равно оскорбительны: «Надзиратель», «Соглядатай», «Назидатель», «Темноскоп». На этом незатейливом приеме, собственно, и построена вся статья. На эту реплику в свою очередь откликнулся в газете небольшой статьей «Журнальная метеорология» Белинский¹⁶. Художественные изыски «Библиотеки» он оценивает иронично, однако заступается только за близкий ему журнал.

Этим закончились критические баталии периодических изданий из-за научного труда Шевырева «История поэзии», но «Наблюдатель» ответил на нападки оппонентов еще двумя статьями. Первым можно считать статью редактора Андросова «Как пишут критику». Иносказательно, но вполне доходчиво «Наблюдатель» определяет «эстетические позиции» своего оппонента и неразборчивую «всеядность» жаждущей скандалов и разоблачений читательской аудитории.

Следующим поводом для полемики стал, казалось бы, совсем ничтожный эпизод. В седьмой части «Московского наблюдателя» за 1836 год, в отделе «Смесь» была опубликована небольшая реплика «Издатель Телескопа на Аустерлицком мосту»¹⁷. Ответом на нее стала анонимная статья, опубликованная в газете «Молва», «Признаки мыслительности и жизни в «Московском наблюдателе»¹⁸. Впрочем, не составляет большого труда вычислить анонима – это, без всякого сомнения, Белинский. Очевидно намерение унижить автора «Истории поэзии» Шевырева.

¹⁵ Литературная летопись //Библиотека для чтения. 1836.Т. 17. Ч.2. С. 44 – 45.

¹⁶ Белинский В.Г. Журнальная метеорология //Молва. 1836. Ч. 12. С.34 – 40.

¹⁷ Издатель Телескопа на Аустерлицком мосту//Московский наблюдатель. 1836. Ч.VII. С.305 – 313.

¹⁸ Признаки мыслительности и жизни в «Московском наблюдателе»//Молва. 1836. № 10. С. 269 – 277.

Ничтожную статейку о «чутуне на Аустерлицком мосту» автор ставит на один уровень с научным трудом, основанное соотнесения статей – «наличие в них обеих мыслительной деятельности».

Во втором параграфе третьей главы «Полемика в журнале в период редакторской деятельности В.Г. Белинского» говорится о полемических выступлениях «Наблюдателя» в период редакционной деятельности Белинского. Полемика во второй период бытования журнала не занимала в нем столь значительного места. Нужно учесть тот факт, что критик редактировал «Московский наблюдатель» совсем недолго, он выпустил пять номеров журнала, при этом полемика из журнала была просто изгнана. Белинский принципиально не вступал ни в какие дискуссии, хотя литературные оппоненты и враги его постоянно провоцировали, оскорбительно, издевательски высказываясь о направлении и стиле «нового» «Московского наблюдателя».

Давний враг Белинского – Ф.В. Булгарин в «Северной пчеле» опубликовал полемическую статью под названием «Журналистика»¹⁹. Вся она была выдержана в ироничном, даже, можно сказать, ерническом тоне.

Ф.В. Булгарин конструирует свою статью как пересказ изъятых из общего контекста положений рецензии Белинского, между которыми вкраплен своеобразный комментарий, состоящий из непонятных читателю философских терминов. Критик откликнулся на статью Фаддея Булгарина «Журнальной заметкой», в которой разъяснил ряд философских терминов («распадение», «просветление» и др.). Критик очень сдержанно ответил на все издевательские нападки своего оппонента. В этой статье Белинский отстаивал свое право на неизменно высокую, философски мотивированную оценку творчества А.С.Пушкина и Н.В. Гоголя.

Во второй книге «Сына отечества» за 1839 год Н.А. Полевой в «Летописи русских журналов» также дал издевательскую характеристику «Московского наблюдателя», фарисейски заявляя, что ему неизвестно, кто является его редактором. Н.А. Полевой, так же, как и Ф.В. Булгарин, иронизировал над чрезмерным увлечением журнала философской терминологией. Белинский принял вызов и ответил Н.А. Полевому в статье

¹⁹ Булгарин Ф.В. Журналистика// Северная пчела. 1838. – №140. – С. 1 – 4.

«Русские журналы»²⁰, помещенной в последней изданной им книжке журнала. Он полностью перепечатал отзыв Н.А. Полевого о «Московском наблюдателе», а затем последовательно, пункт за пунктом, ответил на выдвинутые против него обвинения.

Белинский без устали отстаивал свою принципиальную позицию – позицию критика, которого невозможно вовлечь в полемические битвы. Вновь он декларирует свою точку зрения в рецензии «Сочинения Николая Греча». Об этом же говорит Белинский, делая обзор содержания журналов того времени. Стремление избежать мелкой личной полемики, удержаться на принципиальных позициях видно во всех статьях Белинского в «Московском наблюдателе», лишь однажды критик позволил себе обнаружить свое настоящее отношение к Сенковскому, причем сделал это весьма искусно, чужими устами. В мартовской книжке за 1839 год в отделе «Смесь» он перепечатал «Мнение немецкого журнала «Феникс» о «Библиотеке для чтения». Истинное отношение, высказанное в редакционной пометке-комментарии, нарочито скрыто притворным сочувствием и негодованием.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования и формулируются выводы.

Уже во время возникновения замысла концепция планировавшегося издания была четко осмыслена и определена: журнал задумывался как противовес «торговому направлению». Спасение от развращающего духа «торгового направления» Шевырев видел в распространении высоконравственной литературы, которую должна оценивать и настойчиво рекомендовать читателю серьезная, по-настоящему взыскательная критика. Эти взгляды Шевырева нашли отражение в редакционной политике руководимого им журнала.

Другое направление, впрочем, тесно связанное с первым, условно можно назвать воспитательным. Журнал стремился воспитывать читателя в духе глубокого уважения к идеям православия. Шевырев был абсолютно убежден, что только искренне верующий человек в силах противостоять

²⁰ Белинский В.Г. Литературная хроника. Русские журналы.//Московский наблюдатель, 1839. – Т.ХІХ. – Ч.ІІ. – С. 100 – 138.

соблазнам и давлению безразличной, пустой культуры и литературы как ее важнейшей составляющей.

Еще одно направление проявлялось в стремлении воспитать истинных патриотов своей отчизны. Журнал публиковал материалы, которые должны были возбудить в читателе интерес к отечественной культуре, к истории древней столицы как средоточию духовной жизни России, хранящей нравственные сокровища народа, к истории ее правителей. С этой задачей вполне успешно справлялись произведения В.А. Андросова, З.А. Волконской, М.Н. Макарова, Н.Ф. Павлова, А.С. Хомякова и других авторов.

Журнал под негласной редакцией Шевырева можно считать изданием отчетливо выраженной славянофильской ориентации, неким предварительным этапом в подготовке журнала «Москвитянин».

Эстетическая позиция, на которой базировался журнал первого периода, была вполне определенной. Шевырев последовательно и настойчиво отстаивал идеи «русского» романтизма, он не принимал трагического, дисгармоничного мироощущения, присущего западноевропейскому романтизму. «Московский наблюдатель» – журнал с отчетливо выраженным философско-религиозным направлением, отражающий важный этап формирования самобытной русской философии – русского любомудрия. Анализируя произведения литературы, Шевырев оценивал их как православный человек, который мыслит и живет, согласуя свои помыслы и поступки с искренней Верой. Эстетические взгляды Шевырева нашли отражение в его библиографических обзорах, рецензиях, статьях. В рецензиях Шевырева, отличавшихся оригинальностью и яркостью изложения, много верных наблюдений, свидетельствующих о его образованности, филологическом чутье. Он был знатоком не только русской, древнегреческой и древнеримской, западноевропейской литературы, но был знатоком культуры в широком смысле слова, что позволяло ему рассматривать литературу в непосредственной и тесной связи с условиями исторического бытия народа, его нравственной и социальной жизнью.

Неофициальный редактор боролся за то, чтобы материалы, публикуемые в журнале, несли отчетливый отпечаток высокой духовной

культуры, что проявлялось в тщательном отборе как поэтических, так и прозаических текстов. Возможно, редакции не всегда удавалось следовать своей генеральной линии и наполнять издание исключительно эстетически и идейно совершенными произведениями, но стремление редакторов журнала к этому не вызывает сомнений.

Белинский возглавил журнал в тот период своей духовной биографии, когда идеология и психология «примирения с действительностью» стали для него основополагающими и во многом корректировали как его бытовое поведение, так и оценку художественных явлений современности. Направление журнала нашло наиболее полное отражение в развернутых библиографических обзорах критика. Белинский очень строго, в соответствии со своим личными пристрастиями отбирал литературный материал, что привело к тому, что из номера в номер печатались стихотворения одних и тех же авторов – В.И. Красова, К.С. Аксакова, А.В. Кольцова. Из журнала была решительно изгнана беллетристика, путевые очерки, «светские повести», из русских повестей были опубликованы только повести А.Н. Кудрявцева.

Можно с уверенностью утверждать, что все эстетические явления, которые стали предметом анализа в статьях, Белинский рассматривал и оценивал как глубоко религиозный человек, поскольку отныне для него истинная духовность была неразрывно связана с православием. В мировоззрении Белинского этого периода философские взгляды тесно переплетаются с религиозными.

Одна из важнейших нравственных задач, которую ставил перед собой журнал, это задача воспитания детей – будущих граждан страны – в духе истинного православия. Нельзя не отметить, что в журнале под редакцией Шевырева эта тема в различных аспектах также неоднократно освещалась, а Белинский продолжил и по-своему развил заданное направление.

Близость взглядов обоих критиков проявляется и в том, что в период «примирения с действительностью» Белинский в принципе не приемлет романтическое мировосприятие. Критик борется с романтизмом, осуждая его атеистическое начало.

Очень значительное место в журнале «первого периода» занимала полемика, в ходе которой отчетливее всего выявлялась идеологическая концепция издания, главным оппонентом «наблюдателей» стала «Библиотека для чтения». Поводы для полемических баталий с «Библиотекой для чтения» были разными, но побудительная причина их всегда была одна – принципиальные идейные разногласия.

Белинский в период редактирования «Московского наблюдателя», не хотел вступать ни в какие полемические баталии, это было его принципиальной позицией, однако это ему не всегда удавалось. Но даже тогда, когда его провоцировали на полемический отклик резкими, недоброжелательными рецензиями, он отвечал статьями, в которых проявлял толерантность, желание избежать проявления «личных» симпатий и антипатий.

Можно с уверенностью утверждать, что противостояния в решении главных сущностных социальных, духовно-нравственных проблем между двумя «редакторами» не было. «Московский наблюдатель» на протяжении всей своей недолгой истории, независимо от того, кто был ее редактором, всемерно ратовал за нравственное, духовное воспитание, вел непримиримую борьбу с «торговым направлением» в литературе и журналистике. Как это ни парадоксально, объективно взгляды Белинского этого периода его духовной биографии совпали со взглядами Шевырева почти по всем принципиальным вопросам. И в частных суждениях совпадений достаточно много, что убеждает в том, что по сути дела критик продолжил те идеологические и эстетические тенденции, которые разрабатывал «Московский наблюдатель», и сделал эти тенденции даже более отчетливыми и последовательными.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Монография

1. Рамазанова, Г.Г. Журнал «Московский наблюдатель»: эстетическая позиция, литературные публикации. [Текст] / Г.Г.Рамазанова. – Уфа: изд-во БГПУ, 2011 – 184 с.(11,8 п.л.).

2. Непереизданные произведения русских писателей XIX века (по страницам журнала «Московский наблюдатель») [Текст]. Уфа: Изд-во БГПУ, 2012 /Сост., вступ. ст., комм. Рамазановой Г.Г. – 176 с. (11 п.л.).

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях (по перечню ВАК РФ)

3. Рамазанова, Г.Г. Некоторые штрихи к портрету С.П. Шевырева (новые документальные свидетельства о нем) [Текст] / Г.Г. Рамазанова //Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2009. – Выпуск 36. – С. 86 – 91 (0,4 п.л.).

4. Рамазанова, Г.Г. Страницы литературной полемики «Московского наблюдателя» (публикации В.И.Даля в журнале) [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – №1 – С. 164 – 170 (0,75 п.л.).

5. Рамазанова, Г.Г. «Звонок ли чугуна на Аустерлицком мосту» (из истории полемики «Московского наблюдателя») [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – № 4. – С.158 – 162 (0,6 п. л.).

6. Рамазанова, Г.Г. Духовные очерки Ф. Глинки в «Московском наблюдателе» [Текст] / Г.Г. Рамазанова //Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – №4, – С. 162 – 171 (0,8 п.л.).

7. Рамазанова, Г.Г. Публикации «Московского наблюдателя», связанные с гибелью Пушкина. [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М.: Изд-во МГОУ, 2010. – №1. – С. 156 – 159 (0,7 п.л.).

8. Рамазанова, Г.Г. Женская лирика в журнале «Московский наблюдатель» [Текст] / Г.Г. Рамазанова // «Вестник ЧелГУ, серия «Филология. Искусствоведение». – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. – Выпуск 47. – № 29. – С.123 – 127 (0, 5 п.л.).

9. Рамазанова, Г.Г. Публикации М.Н. Макарова о Москве (по страницам журнала «Московский наблюдатель») [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2011. – Том 13. – №2 (40). – С.182 – 187 (0,5 п.л.).

10. Рамазанова, Г.Г. Поэтическая молитва в журнале «Московский наблюдатель» [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Вестник Башкирского университета. – Уфа, 2011. – № 3 (I). – Т.16. – С. 968 – 971 (0, 5 п. л.).

11. Рамазанова, Г.Г. Поэзия В.Г. Бенедиктова в некоторых оценках московской и петербургской критики 30-х годов XIX века. [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – № 2. – С.112 – 116 (0, 5 п.л.).

12. Рамазанова, Г.Г. Литературный диалог «белого» и «черного человека» [Текст] / Г.Г. Рамазанова // «Вестник ЧелГУ, серия «Филология. Искусствоведение». – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2012. – Выпуск 64. – С.93– 98 (0,6 п.л.).

13. Рамазанова, Г.Г. В.Г. Белинский об этических и художественных особенностях литературы для детей (рецензии «Московского наблюдателя») [Текст] / Г.Г. Рамазанова // В мире научных открытий. Серия гуманитарных и общественных наук. – Красноярск, 2012. – № 4.4(28). – С. 124–139 (0,7 п.л.).

14. Рамазанова, Г.Г. В.Г. Белинский о новинках русской словесности конца тридцатых годов (библиографические обзоры журнала «Московский наблюдатель»)/ [Текст] Г.Г. Рамазанова // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец.2012. – № 1(36). –Том 1. – С.89 – 94 (0,6 п.л.).

15. Рамазанова, Г.Г. «История поэзии» С.П. Шевырева в оценках критики тридцатых годов [Текст] / Г.Г. Рамазанова// Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2012. (0,6 п.л.) Вып. 3 (107). – С.212 – 218(0,9 п.л.).

16. Рамазанова, Г.Г. Журнал «Московский наблюдатель» в оценках отечественного литературоведения [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Вятка, 2012. – Выпуск 1 (2). – С.173 – 177. (0,7 п. л.).

Публикации в других изданиях

17. Рамазанова, Г.Г. Элегии Н.М.Языкова. Традиции и жанровое своеобразие. Учебное пособие [Текст] / Г.Г. Рамазанова – Уфа: Изд-во БГПУ,1999. – 67 с.(4 п.л.)

18. Рамазанова, Г.Г. Анализ поэтического текста: методическое пособие [Текст] / Г.Г. Рамазанова – Уфа: изд-во БГПУ,2004. – 52 с. (3,25 п.л.)

19. Рамазанова, Г.Г. Адресаты лирики А.С.Пушкина [Текст] / Г.Г.Рамазанова // Словесность: приложение к «Вестнику БГПУ. Серия гуманитарных наук». Уфа, 2001. – Выпуск 1. – С.30–35(0,4 п.л.).

20. Рамазанова, Г.Г. «Цветы последние милей...» (образ цветка в лирике В.А. Жуковского, А.С. Пушкина. Н.М. Языкова) [Текст] / Г.Г.Рамазанова // Словесность: приложение к «Вестнику БГПУ». Серия гуманитарных наук. – Уфа, 2003. – Выпуск 2. – С. 60 – 64. (0,25 п.л.).

21. Рамазанова, Г.Г. Пушкинские реминисценции в лирике А.А. Фета [Текст] / Г.Г. Рамазанова // VII Ручьевские чтения. Литературный процесс в зеркале рубежного сознания: философский, лингвистический, культурологический аспекты: сборник материалов международной научной конференции. – Магнитогорск: МаГУ, 2004. С.128 – 131(0,4 п.л.).

22. Рамазанова, Г.Г. Мотивы веры и безверия в ранней лирике М.Ю. Лермонтова [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Система непрерывного образования: Школа – педучилище – педвуз. Материалы всероссийской научно-практической конференции (май 2004). – Уфа, 2005.– С. 104–111 (0,5 п.л.).

23. Рамазанова, Г.Г. Лирический герой. Многомерность понятия. [Текст] / Г.Г. Рамазанова //Методика вузовского преподавания: материалы VII научно-практической конференции. (28 февраля – 1 марта 2006 года) – Часть 1. – Челябинск, 2006. – С.267 – 270(0,4 п.л.).

24. Рамазанова Г.Г. Поэтические реминисценции в поэме А. Майкова «Машенька» [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Русское литературоведение в новом тысячелетии: материалы III Международной научной конференции – М.: РИЦ МГТУ им. М.А.Шолохова.– М., 2006. – Т.1 С. 149–153 (0,25 п.л.).

25. Рамазанова, Г.Г. Ориентальная лирика и русская поэтическая традиция [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: Материалы международной научно-практической конференции (13 декабря 2007 года). – Уфа, БГПУ, 2008. – С. 193–197 (0,4 п.л.).

26. Рамазанова, Г.Г. Проблематика и поэтика сказки В.И. Даля «Иван-лапотник» [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Система непрерывного образования: материалы Республиканской научно-практической конференции. – Уфа, 2009. – С.42 – 45 (0,3 п.л.).

27. Рамазанова, Г.Г. К.С. Аксаков и С.П. Шевырев как идеологи славянофильства [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Аксаковские чтения: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции 2 октября 2009 г. – Уфа, 2009. – С.182–189 (0,7 п.л.).

28. Н.Ф. Павлов и журнал «Московский наблюдатель» [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы II Международной научной конференции 30-31 октября 2009 г. – Чита: ЗабГГПУ, 2009. – С.131–135(0,3 п.л.).

29. «Восточная» лирика в журнале «Московский наблюдатель» [Текст] / Г.Г. Рамазанова // Русское литературоведение на современном этапе: материалы VII Международной научной конференции. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009 – С.262–267(0,4 п.л.).

30. В.Г. Белинский и С.П. Шевырев: идейная концепция журнала «Московский наблюдатель» [Текст] / Г.Г. Рамазанова // История, современное состояние и перспективы развития теории и практики преподавания литературы и языка: сборник научных трудов и материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию д. филол. наук, проф. Амирова Р.К. Уфа, 9–10 ноября. – Уфа: БГПУ, 2011. – С. 49 – 53. (0,4 п.л.).

Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна

Журнал «Московский наблюдатель»:
эстетическая позиция и литературные публикации

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 09.04.2012.

Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times.

Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 2,5. Уч.-изд. л. – 2,5.

Тираж 100 экз. Заказ № 330

ИПК БГПУ 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а